

УДК 94(470.22)

Чернякова Ирина Александровна

Петрозаводский государственный университет,
ведущий научный сотрудник Института Североевропейских исследований (ИСЕИ),
канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета,
зам. декана ИФ по научной работе и международному сотрудничеству,
доцент Российской истории Университета Восточной Финляндии (Йоэнсуу)

<http://illmik.petrstu.ru/Alkonost/personal/Welcome.html>

*Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий
Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.*

ПИСЬМА С ВОЙНЫ...**К 100-летию со дня рождения
выдающегося отечественного историка А. Г. Манькова¹**

А. Г. Маньков
(1913—2006)

По воле обстоятельств у меня оказались копии писем, отправленных Аркадием Георгиевичем Маньковым в годы войны: с июля 1942 г. — по июль 1944 г. Татьяне Владимировне Старостиной. Всего этих писем — 21, пространных и коротких, душевных и нейтральных, но всегда удивительно теплых по тону и абсолютно человеческих по содержанию. Татьяна Владимировна Старостина после окончания аспирантуры Ленинградского государственного университета в 1945 г. приехала по распределению в Петрозаводск и преподавала на нашем историко-филологическом факультете курс дореволюционной истории России до выхода на пенсию в 1977 г. Я слушала этот ее курс и спецкурсы, будучи студенткой. Потом, после окончания университета, уже работая в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала

Т. В. Старостина
(1916—2003)

Академии Наук, мне много раз посчастливилось бывать в гостях у этого замечательного педагога и человека. Мне кажется, она считала меня своей ученицей. Хотя я не писала под ее руководством курсовых работ, и мы никогда не обсуждали подобных вещей. Однако именно к ней я обращалась за советом и именно ее одобрение сыграло решающую роль в моем выборе для ученых штудий не бывшей тогда ни в коей мере актуальной темы феодальной истории, да еще и в локально-региональном измерении.

Сначала, много лет тому назад, Татьяна Владимировна попросила меня сделать копии дорогих ей писем. В то время я изредка навещала ее и, узнав, что я собираюсь в командировку в Финляндию, она решила, что это самый верный и безопасный способ организовать ксерокопирование. Об этом можно было бы не упоминать, но факт остается фактом. И я думаю,

¹ Выступление состоялось на расширенном заседании Ученого совета СПб ИИ РАН, посвященном 100-летию со дня рождения выдающегося историка России Аркадия Георгиевича Манькова 19 марта 2013 г. (см. URL: <http://www.spbiiran.nw.ru/мемориальные-заседания/#more-254>)

что все понимают какими мыслями, чувствами и опасениями руководствовался тогда уже пожилой человек, попросив о моем содействии в данном деле. Конечно же, ни в какую за границу везти письма не понадобилось. Они тут же были ксерокопированы и возвращены ей вместе с подлинниками.

Я тогда только-только познакомилась с Аркадием Георгиевичем. По совету Татьяны Владимировны незадолго до этого я обратилась именно к нему с просьбой о научном руководстве. Как оказалось впоследствии копии для него же и предназначались.

Много лет спустя, в 2009-м, эти копии снова оказались у меня. Через три года после ухода из жизни Аркадия Георгиевича его вдова Алла Анатольевна Вершинская решила подарить в созданную в 2004 г. и возглавляемую мной Исследовательскую лабораторию локальной и микроистории Карелии книги, которые остались невостребованными купившей домашнюю библиотеку Маньковых Научной библиотекой ПетрГУ, как дублирующие уже имевшиеся в ней издания. В одну из минут драгоценного общения с обсуждением идеи написания воспоминаний об Аркадии Георгиевиче у них дома Алла Анатольевна отдала мне эти копии для опубликования в электронном журнале отчетов и публикаций ИЛЛМИК.

Письма так и не были размещены в нем, хотя я тогда же набрала их на компьютере и даже сопровождала какими-никакими комментариями, без которых не обходится ни одна профессиональная документальная публикация.

Но что-то не сложилось. Причина как будто бы в том, что чрезмерная занятость не позволила нам вовремя подготовить следующие выпуски журнала. Перерыв затянулся. Обстоятельства изменились. Теперь мы возобновляем его издание под другим, более широким названием и на другом, более весомом уровне в рамках Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг. В электронном журнале CARELiCA (см. URL: <http://illmik.petrus.ru/illmik/Journal.html>) по-прежнему есть рубрика InMemoria.

Сейчас я понимаю, что где-то в глубине души я не была готова к выкладыванию этих писем в интернет. В то же время совершенно непредставимо было передать их кому бы то ни было для выборочного включения в тематическую публикацию. Мне было известно о такого рода издании, готовившемся в Санкт-Петербургском университете. Я даже поделилась своими сомнениями с Аллой Анатольевной и она тоже не решилась предпринимать выборку. Только все вместе эти от руки написанные, иногда на листочках бумаги в клетку, иногда на картонных карточках тексты сохраняют присутствие обоих замечательных людей, с которыми меня на протяжении жизни сводила судьба. И как-то совсем неудивительно, что будучи сохраненными лишь одним из участников уникальной в силу обстоятельств переписки, они тем не менее рассказывают о жизни обоих так емко и так убедительно, что об отсутствии второй половины текстов забываешь (писем самой Татьяны Владимировны нет).

Нельзя сказать, что в ПетрГУ не помнят Татьяну Владимировну Старостину. В университетской газете публикуются посвященные ее юбилейным датам статьи коллег и учеников. Какое-то время назад обсуждалась идея кафедры отечественной истории учредить регулярную научную конференцию «Чтения памяти Т. В. Старостиной». Мы все, кто изучает феодальные сюжеты истории Карелии, знаем и постоянно цитируем ее самобытные исследовательские работы. Но как мало известно о той части ее жизни, что пришлось на военные годы. Татьяна Владимировна была готова рассказывать часами. Очень многое посчастливилось услышать в наших не столь уж и частых беседах. Бесконечно жаль, что совсем многое оказалось записанным.

Во всяком случае в дружеской и информативной статье, автором которой является А. М. Пашков, самый, наверное, частый визитер в период, когда Татьяна Владимировна находилась на пенсии и почти не покидала свою квартиру, о том периоде ее жизни, когда происходил обмен письмами, сказано лишь следующее: «В конце января 1942 г. семья Старостиных была вывезена из Ленинграда по «Дороге жизни», и в мае 1942 г. Т. В. Старостина стала учителем истории в Славгороде Алтайского края. В декабре 1942 г. она была награждена медалью «За оборону Ленинграда», а в июне 1945 г. — медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» (См.: Пашков А. М. Портрет историка на фоне эпохи // Газета «Петрозаводский университет». № 3 от 24.01.1997.)

Таким образом, письма Аркадия Георгиевича сохранили для нас не только часть его жизни, но и часть жизни его «одноклассники» по насыщенной учеными занятиями аспирантуре истфака ЛГУ, прерванной военным лихолетьем. Письма как нельзя лучше свидетельствуют об интеллектуальных устремлениях и высоких ориентирах обоих участников переписки. Но еще более они рассказывают о самих авторах, об их жизнелюбии, душевных качествах, взыскательности и бесконечной заинтересованности в других, в контактах, в желании поддерживать и даже подталкивать друг друга в продвижении по выбранному пути служения науке истории.

Первое послание пришло на адрес семьи Александра Ильича Копанева в г. Слободском Кировской области (ул. Урицкого, дом 57). На военной открытке значилось: Копаневым для Тани Старостиной. Обратным адресом обозначен почтовый ящик № 716, литер Б в г. Вологде.

Аркадий Георгиевич пишет, что не дождавшись вестей после случайной встречи в Вологде, решил «разведать» добралась ли она до цели своего «тяжкого путешествия». Копаневы переслали Татьяне Владимировне эту открытку.

Ее ответное письмо, очень обрадовавшее Аркадия Георгиевича, пришло как он пишет из-за «тридцать земель». Он спрашивает: «Что это за Славгород такой, что в нем нет квартир, а уютиться приходится в мазанке?» В то же время он не сомневается, что «устроились вы, видимо, вполне сносно и должны быть счастливы хотя бы тем, что поднимаете свою ниву». «Мне кажется, — добавляет он, — вы уже полностью избавились от ужасов, в плену которых были в момент нашей встречи в Вологде».

Аркадий Георгиевич предстает в своих письмах человеком очень отзывчивым и не лишенным юмора. Прося Татьяну Владимировну «забыть о том, что дал когда-то какие-то деньги и не помышлять о их возврате», он замечает «если они хотя бы мало-мальски пригодились, значит, я могу быть только доволен этим». Надо лично знать Аркадия Георгиевича, чтобы вполне оценить его следующую фразу: «сам в деньгах не нуждаюсь, да и в наших краях они нужны разве только на оклейку стен».

Из писем, написанных вполне осмотнительно, так как только в паре мест есть следы вымарывания военным цензором, не слишком ясно, чем именно занимался Аркадий Георгиевич летом 1942 г., находясь где-то в прифронтовой полосе, иногда перемещаясь из одной деревни в другую в окрестностях Вологды. «Живу, тоскую по старому родному делу, ворую время для того, чтобы читать» — пишет он и добавляет: «Дело, которым занят, приелось. Приелись лица. Впрочем, и первое, и вторые имеют для меня иррациональный характер и находятся как-бы вне скобок центрального круга мыслей и интересов моих». «Все же скука — основной план настроения, — сетует он. — Ее постоянно носишь как камень — не за пазухой, а глубже — где-то в грудной клетке». В другом письме: «Горько. Существенные перемены, намечавшиеся было в судьбе моей, вдруг отпали на некоторый срок и сейчас я на прежнем месте».

В сентябре 1942 г. он был переведен из под Вологды в Тихвин. «Сосновый бор, в бору гора, в горе дыра. Это новое жилье мое» — написал он с нового места службы. Землянка «с низким сводчатым потолком, полутемная ... походила на монашескую келью или, — по его мнению, — больше на камеру-одиночку».

Из дальнейшего становится ясно, что Аркадий Георгиевич не считал свою войну настоящей, но верил, что она еще впереди и состоится. «На днях ставил доклад в нашем батальоне, — писал он в начале февраля 1943 г., — я ведь замполит (по-прежнему политрук)». Немного ранее сообщалось о новом командовании, новом составе подчиненных: «в большинстве казахи, многие по-русски ни бе, ни ме, но народ славный, энергичный, работающий и дружный, одним словом наши в доску, не то что финны». Остается только догадываться что имелось в виду под «полосой ночных работ», когда «приходилось сжимать кулаки, стискивать зубы и неистово обрушиваться на людей».

Он служил где-то в прифронтовой полосе. Романтически-возвышенные, тонкие и одухотворенные описания природы перемежаются тяжелыми констатациями: «Кругом, — пишет он, — следы недавнего тяжкого прошлого; еще слышен запах гари, пожарища, порохового дыма». Признается: «Завидую вам, вы все же на настоящем деле», и поясняет: «Тоскую... Тосковать можно при самой горячей работе, если она не твоя и тянет за душу». Потом опять: «новое начальство, новое credo, наступил период горячих работ, в большинстве — по ночам».

Где бы он ни был и как бы ни был занят по службе, в центре всего для Аркадия Георгиевича оставались занятия историей. В первой части своих писем он признателен сестре, которая, «частенько заглядывая в Вологду, абонируется в библиотеках и привозит ... книги». «Представьте» — обращается Аркадий Георгиевич к своей виртуальной собеседнице — «недавно наткнулся на крупную новинку: «Русская историография» Н. А. Рубинштейна. Читаю — вижу и чувствую ряд недостатков, и все же читаю с наслаждением. В целом, безусловно, продуманная, ученая и чрезвычайно нужная книга». И не удерживается от замечания: «Приятно удивлен ее появлением в наши дни».

«В Тихвине, — спешит поделиться он с Татьяной Владимировной, — наткнулся на жалкие остатки библиотеки (после немцев). Но все же кое-что есть по истории». Обнаружив почти полный комплект «Русской старины», Аркадий Георгиевич был счастлив. «Ворую время, — пишет он, — сижу и копаюсь... жизнь веду на две семьи: работа — моя жена, а история — любовница».

Если попадались монографии — В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова — Аркадий Георгиевич их буквально штудировал. Иногда удавалось раздобыть и, как он выразился в одном из писем: «новинки этого года». Прочитав брошюру С. В. Бахрушина «Иван Грозный» и роман С. П. Бородина «Дмитрий Донской» он призывает Татьяну Владимировну — «прочтите, а затем поделимся впечатлениями». Не получив, по-видимому, отклика, снова пишет: «теперь хоть пиши житие Сергия Радонежского — обязательно поместят в «Историческом журнале».

«Не читать не могу, — признавался Аркадий Георгиевич в следующем послании. Смерти духовной боюсь пуще смерти физической».

Аркадия Георгиевича всегда отличала честность и откровенность суждений. Покидая Вологду, он решился-таки обозначить свое отношение к этому краю и к людям, с которыми был знаком. «В общем живут здесь плохо, — с негодованием замечает он, — оборванные ребятишки разорили в деревнях грачинные гнезда». Вероятно, военному цензору показалось слишком резким дальнейшее суждение по этому поводу — полстроки жирно вымарано. С одной стороны, Аркадия Георгиевича абсолютно угнетала неграмотная речь закончив-

шей семилетку дочери хозяйки квартиры, где он был на постое. С другой — он отмечает как «отрадное явление» и другие примеры, когда молодежь «кончала институты и подлинно, органически впитала в себя культуру, и далеко, далеко, на тысячу верст оставила позади себя своих родителей».

Он чрезвычайно заинтересован в расширении круга общения, просит сообщить ему адреса коллег по занятиям в университете. Не может не удивлять то, что несмотря на войну, почта ходила исправно и письма находили адресатов, и происходившее с друзьями и университетом в целом не оставалось неизвестным. Он горестно замечает, что получил письмо от Овсянкина из Саратова, где «с апреля стал функционировать наш бедный, бедный университет». Там «из всего прежнего состава» кафедры истории СССР оказались только его корреспондент Сладкевич и Захаренко. Остальные, — В. В. Мавродин и кто-то еще (останется неизвестным, так как вымарано — И. Ч.) должны были вылететь в Елабугу, куда первоначально предполагалось эвакуировать университет. Н. С. Чаев и Н. Ф. Лавров, — сообщает он Татьяне Владимировне, — «умерли в Ленинграде».

В письмах нередко высказывания об общих знакомых. Важно отметить, что даже тогда, когда мнения Аркадия Георгиевича о людях нелицеприятны, они остаются взвешенно-объективными. Рассказывая Татьяне Владимировне о визите к профессору М. Н. Мартынову, который находился тогда в Вологде, преподавал в местном институте, читал по линии военного ведомства лекции на международные и исторические темы в воинских частях и госпиталях и «изменился до неузнаваемости», Аркадий Георгиевич заметил, что мог бы «пересказать» передовую статью из вчерашней «Правды» «гораздо острее и глубже, чем он», когда тот «полулежал на тощей железной койке и скучным профессорским тоном ... продолжал говорить, не спуская с меня добрых утомленных глаз пророка», для которого «поток скучного истечения слов ... составлял такую же потребность как сон и пища». Дальше в письме следует пространная цитата из профессорских речей относительно способности человека приспособиться и выжить «в таких условиях, в которых ни одно животное дня не смогло бы прожить». Аркадий Георгиевич, который до этого «сидел и слушал, не зная куда деть глаза, руки, всего себя» был рад этой мысли, даже понимая, что ничего нового в ней нет. «Вышел я от него обновленным», — заключает он, хотя и «понял, что наш уважаемый профессор ... многое потерял, но одно осталось неизменным — покровительственно-учительное отношение к молодежи и тон непогрешимого судьи к своим коллегам, присущие вообще всем ученым мужам».

Аркадий Георгиевич всегда был самым собой. Даже в трудные времена войны он живо интересовался людьми, причем более всего их делами, событиями, обстановкой, окружением. Татьяне Владимировне он благодарен за то, что ее послания — «целая энциклопедия, целое откровение». В то время как другие (он пишет: «мы все») «богаты чувствами — в общем довольно схожими ... себялюбивы ... эгоистичны ... и равнодушны ... недостает умения наблюдать, запечатлевать, копировать и передавать окружающие предметы и факты» она — «редкое исключение», «самый дальний адресат, но едва ли не самый ценный».

«Ваши открытки меня очень порадовали, — пишет Аркадий Георгиевич в феврале 1943 г., и продолжает — особенно в той части, где вы сообщаете о составе ташкентского населения».

Аркадий Георгиевич остро и заинтересованно реагировал на защиты диссертаций коллегами, состоявшиеся несмотря на войну. Так, о Я. С. Лурье он пишет: «ему отпущена породистая голова, богато одаренная веществом высокоорганизованной материи, и он берет свое». Поделится, что «острое чувство ... внезапно уколотившее меня, прошло», и что был рад этому.

В близком к восхищению эмоциональном состоянии он писал о встрече с однокурсником Ереминым, которого считал скромным, тихим и даже чуть ли не посредственным человеком. «А сейчас? — восклицает Аркадий Георгиевич, — триста боевых вылетов (он летчик-штурман). Я пережил двойную гордость, — делится он со своим адресатом, — гордость за университет: за то, что он дал людей, способных совершать такие большие дела, и за то, что он вложил этим людям такую душу и острый, пылливый ум, способный просто, объективно и критически оценить свои и чужие дела».

И еще в письмах множество свидетельств живейшего интереса к саморазвитию. «Я должен как можно больше прочесть по истории, узнать, восполнить пробелы. С этим чувством я ложусь спать, встаю утром, ем, провожу беседы с бойцами. Всю войну меня не покидало убеждение, что я вернусь туда, откуда ушел так внезапно». В другом письме он признается: «Мучаю себя Ф. Мерингом «Очерки истории войн...». Главное — глубокие мысли и культура языка. Ценная книга. Иногда почитываю Толстого — для очистки мозгов и совести. А в целом тарарабумбия...».

Не могу не привести фразу, на которую Аркадий Георгиевич «наткнулся», читая и перечитывая И. С. Тургенева, и тут же поспешил записать как своего рода credo: «Размышлять только о прошлом, удовлетворять потребности настоящего и не думать о будущем».

«Каково? — вопрошает он. И заключает: «Как раз для историков...».

[I]

[Без даты — И. Ч.] Письмо на почтовой карточке Carte Postale

*Куда, кому: г. Слободской Кировской области,
ул. Урицкого, д. 57. Копаневым (для Тани Старостиной)*

*Адрес отправителя: г. Вологда, п/я № 716, литер Б,
А. Г. Маньков*

Таня, здравствуй!

Памятуя нашу случайную и чрезвычайную встречу в Вологде, [далее зачеркнуто мне — И. Ч.] когда мы поменялись адресами с тем, чтобы списаться, и до сих пор не имея вестей от тебя, я решил, наконец, с помощью этой открытки разведать, добралась ли ты до цели твоего тяжкого путешествия. [Далее зачеркнуто Думаю, что открытка — И. Ч.] Как здоровье — твое и твоей семьи? Что поделываешь? Пиши. Аркадий

Полагаю, что открытка не окажется без ответа, если даже Тани Старостиной и не окажется по данному адресу. Мой адрес на обороте.

[II]

[Без даты — И. Ч.]

Таня, здравствуйте!

Безумно рад письму Вашему — давным-давно ждал вестей от Вас и, не дождавшись написал Вам по адресу Копаневых. А Вы, оказывается, махнули за тридевять земель!

Я же до сих пор не отличаюсь кочевым образом жизни и потому адрес мой пока неизменен. Живу, тоскуя по старому родному делу, ворую время для того, чтобы читать. Со мной живет сестра. Она, частенько заглядывая в Вологду, абонируется в библиотеках

и привозит мне книги. Иногда в городе бываю и я. Недавно был даже в театре — слушал «Баядеру» в исполнении Карельско-финского театра музкомедии. В театре первый раз за эти несчастные одиннадцать месяцев и быть может этому следует приписать, что сцена и музыка произвели на меня чудесное впечатление. Был рад как ребенок.

В этот же день посетил нашего доцента А. А. Михайлова и проф[ессора] Мартынова. Первый живет с семьей [*далее зачеркнуто* по ли — И. Ч.] и по линии военного ведомства читает лекции на международные и историч[еские] темы в воинских частях, госпиталях и т. д. Читал и в нашей части. М. Н. Мартынов препо/об./дает в местном институте и сейчас что-то такое пишет. Изменился он до неузнаваемости. Недавно он получил письмо от Овсянкина из Саратова, где с апреля стал функционировать наш бедный, бедный университет. На кафедре истории СССР из всего прежнего состава остались только Овсянкин, Сладкевич и Захаренко... Ха, ха!

Где остальные — аллах ведает! Мавродин и, [*далее два слова жирно вымараны, по-видимому, военным цензором — И. Ч.*] кажется, вылетели в Елабогу (город на Каме реке), куда первоначально предполагалось эвакуировать ун[иверсите]т. Н. С. Чаев и Н. Ф. Лавров умерли в Л[енинград]е. Вот и все из того, что мне известно. Я переписываюсь с Зиной (живет с семьей в Калининской области, работает в МТС) и со Скворцовой (живет в Куйбышеве). От последней, правда, нет письма уже более месяца.

Лично в моей жизни перемен, пока, никаких. Но все сильнее ощущается их близость и в каком направлении, конечно, легко догадаться.

Несказанно благодарен Вам за указание о Тане Копреевой. Было бы чудесно, если б удалось списаться с нею. А что Вы, Таня, знаете о других наших общих знакомых и близких? С кем в переписке?

Устроились Вы, видимо, вполне сносно и должны быть счастливы хотя бы тем, что поднимаете свою ниву. По характеру и тону Вашего письма /об./ мне кажется, что Вы уже полностью избавились от ужасов, в плену которых были в момент нашей встречи в Вологде.

Рад от души.

А что это за Славгород такой, что в нем нет квартир, а уютиться приходится в мазанке? Вообще, как живут там?

Каковы успехи в работе?

Пишите, Таня, непременно и чаще.

Желаю Вам здоровья, здоровья и здоровья. Успеха в работе. Побольше веселых и поменьше печальных минут.

Пишите. Аркадий.

P.S. Таня, очень прошу Вас забыть о том, что я дал Вам когда-то какие-то деньги, и тем более не помышлять о их возврате. Если они Вам хотя бы мало-мальски пригодились, — значит, я могу быть только доволен этим. А сам в деньгах не нуждаюсь, да и в наших краях они нужны разве только на оклейку стен.

Итак, условились? А.

/об./ Мой адрес: г. Вологда, п/я № 716, А. Г. Манькову

Крайне признателен за Ваш ответ, Таня, и рад, что завязалась переписка. Каждое письмо для меня — дар с неба. Последнее время, к сожалению, даров неба стало меньше. Зину заманили в ун[иверсите]т друзья из Саратова. Я ей советовал то же, и в начале июля получил от нее письмо уже с выражением не намерения, а решения отправиться в Саратов на ближайшей неделе. С тех пор вестей нет. Возможно, что выехала. Запросил сестру ее и жду ответа. Нет давно писем и из Саратова от Скворцовой. Подозреваю, что в связи с последними событиями и в силу свойств своего характера она улепетнула от туда. Не отвечает и Копреева, которую разыскиваю по адресу, указанному Вами. [Далее два или три слова зачеркнуты автором — И. Ч.] Горько. Существенные перемены, намечавшиеся было в судьбе моей, вдруг отпали на некоторый срок и сейчас я на прежнем месте. Единственно — пришлось переехать из одной деревни в другую. Впрочем, кочевки в пределах района для меня уже привычное состояние.

Дело, которым занят, приелось. Приелись лица. Впрочем, и первое, и вторые имеют для меня иррациональный характер и находятся как-бы /об./ вне скобок центрального круга мыслей и интересов моих. Для меня это периферия [так в тексте — И. Ч.].

А центр что? Читаю, занимаюсь историей и по возможности стараюсь быть верным почитателем нашей Клио. Представьте, недавно наткнулся на крупную новинку: «Русская историография» Н. А. Рубинштейна. Читаю — вижу и чувствую ряд недостатков, и все же читаю с наслаждением. В целом, безусловно, продуманная, ученая и чрезвычайно нужная книга. Приятно удивлен ее появлением в наши дни.

Все же скука — основной план настроения. Ее постоянно носишь, как камень — не за пазухой, а глубже — где-то в грудной клетке. Она держит нервы в постоянном напряжении, а для плодотворных занятий нужно их полное спокойствие.

[Далее две с половиной строки текста жирно вымараны, по-видимому, военным цензором — И. Ч.] В моем положении я часто припоминаю слова Достоевского о безнадежном состоянии человека, которому «пойти некуда». Тогда я бросаю все и еду в город.

Был у Мартынова. В нательной рубаше далеко не первой свежести профессор полулежал на тощей железной койке и скучным профессорским тоном поучал меня: «Читали вчерашнюю передовую «Правды»? Там говорится, что у /об./ нас есть первоклассная техника, но недостает кадров...» Кстати, эта передовая была напечатана не вчера, а третьего дня, и я знал ее раньше профессора, так как слышал по радио в тот же день, а он прочел ее только сегодня после обеда, переваривая свою скудную пищу, и я мог бы пересказать ее гораздо острее и глубже, чем он, но он продолжал говорить, не спуская с меня добрых утомленных глаз пророка, а я сидел и слушал, не зная куда деть глаза, руки, всего себя.

Наконец, я вставил какое-то замечание и прервал этим поток скучного истечения слов, которое для профессора составляло такую же потребность, как сон и пища. Мы заговорили о положении ленинградцев, и здесь Мартынов высказал мысль: «Нам, людям, одинаково доступно и великое, и ничтожное. Мы можем строить прекраснейшие особняки и жить в самых отвратительных подвалах. Человек обладает гораздо большей способностью приспособления и уживчивости, чем животное. Человек может выжить в таких условиях, в которых ни одно животное дня не смогло бы прожить».

Эта мысль мне понравилась. Хотя не нова. Затем разговор перекинулся на историков и здесь я /об./ понял, что наш уважаемый профессор во многом изменился и многое

потерял, но одно осталось неизменным — покровительственно-учительное отношение к молодежи и тон непогрешимого судьи к своим коллегам, присущие вообще всем ученым мужам. Во всяком случае, вышел я от него обновленным и вполне довольным нашей беседой.

А Вы, Таня, молодец — горите большим и жарким огнем. *[Далее одно слово зачеркнуто автором — И. Ч.]* Я готов даже завидовать. Все подробности Вашего быта чрезвычайно интересны и Вы, пожалуйста, побольше подсыпайте их в письмах. Что пишут из Л[енинград]а? С кем Вы в переписке из общих знакомых?

Как только Зина напишет — немедленно сообщу Вам ее адрес. Пишите! Жду. Аркадий.

[IV]

2.9.42

Добрый день!

Вы самый дальний мой адресат, но едва ли, Таня, не самый ценный. Ваше письмо — для меня целая энциклопедия, целое откровение. Из него я узнал о судьбе многих близких когда-то *[далее зачеркнуто мне — И. Ч.]* людей и за это Вам безгранично благодарен. Из писем других в большинстве я узнаю только о чувствах их авторов, но не *[далее зачеркнуто об — И. Ч.]* о людях и обстановке, их окружающей.

Вы — редкое исключение. Мы все богаты чувствами — в общем довольно схожими — и довольно охотно делимся ими с людьми, нам хоть чуть близкими. У нас избыток чувств. Но мне кажется — недостает умения наблюдать, запечатлевать, копировать и передавать окружающие предметы и факты.

Мы слишком себялюбивы. Эгоистичны. И равнодушны к окружающему.

Итак, Я. Лурье защищает диссертацию. Ловко! Я рад за него безгранично. Ему отпущена породистая голова, богато одаренная веществом «высоко-организованной материи» и он берет свое! Бывает так: на каменистой, сухой, бесплодной почве, где уже чертополох не прививается, бурно и пышно расцветает одинокий благоухающий цветок. Где он берет соки? — невольно задаешь вопрос при виде его. Очевидно, в себе самом.

Таков и Яша. Жаль одно: его бурный рост происходит на жиденьких, слабых дрожжах. *[Далее неуверенно читается Томск — И. Ч.]* — не Ленинград, а 1942ой г., не 1940ой. Не так ли? Впрочем, формаль/об./ная сторона научного роста далеко тоже не безразлична: если он не добьется сейчас больших знаний, то все же получит солидный диплом, который несомненно облегчит и ускорит его вход в науку, когда уляжется буря. Я не мог не позавидовать ему. Но острое чувство зависти, внезапно уколотившее меня, прошло. Я рад этому.

Только от Вас, Таня, впервые узнал об Асе, которой даже писал в Л[енинград]д, но безрезультатно. Будете писать ей, передайте мой горячий привет.

Глубоко потрясен Вашем известием о смерти Иотко. Я не был близок к этому человеку, но безгранично *[далее слово зачеркнуто — И. Ч.]* уважал его. Мысленно я пророчил ему большое будущее. Гибель этой молодой талантливой жизни воспринимаю как личное горе.

За последнее время получил два письма от Зины, письмо от Т. Скворцовой и от Т. Копреевой. Зина бежала в Саратов от идиотизма деревенской жизни, но то, что она застала в ун[иверсите]те — глубоко разочаровало ее. Сейчас она рвет и мечет. Мучается

над диаматом. Пришлось утешить ее — крепко советовать закончить ун[иверсите]т во что бы то ни стало.

Рад тому, что удалось связаться с Копреевой. Она работает зав[едующей] библиотекой №кого полка в г. Слабуско[м]. Ей пишет Т. Ваганова, но никаких подробностей ни о себе, ни о других Копреева не сообщила, желая, видимо, первой получить их от меня.

Ее желание исполнил. Жду ответа.

Приходит конец моего обитания под Вологодой. Когда /об./ Вы будете держать в руках это письмо, я буду уже на пути к Тихвину. Но пишите пока по старому адресу. Письмо найдет меня. Последний месяц имел много свободного времени, но сосредоточиться в занятиях на чем-нибудь определенном не мог. Томление, боль души иногда нестерпимы. Кажется, криком не умерить ее. А как мало в сущности нужно для этого: стоит только пройтись по полям, полным трав, хлебов и аромата сена — как душа сама оттает, обмякнет, в нее запросится веселое, мягкое чувство.

Дважды ездил в небольшие командировки. Они чуть встряхнули меня. Покидая этот край, хочу сказать несколько слов о нем. В общем, живут здесь плохо. Оборванные ребятишки разорили в деревнях грациные гнезда, *[далее половина строки вымарана, по-видимому, военным цензором — И. Ч.]* Близость крупного города наложила безусловный отпечаток культуры, но в большинстве только внешний — касательно одежды, обстановки, но и только. Вот пример из многих возможных:

Надежда, шестнадцатилетняя дочь моей хозяйки, кончила в этом году семилетку, а по-прежнему, как ее мать, которая ни разу не переступала порога школы, говорит «наверхю», «левые», «нипоченое молоко», «даром» вместо «все равно», «пронюхло» вместо «пропахло», «грудина» вместо «грудь» и т.д. и т.п.

Мать решила послать ее в школу зоотехников-агрономов. Однажды я спросил ее — почему туда? — «А там хорошо, обиходно — сказала она, по-вологодски растягивая «о» и складывая руки на животе /об./ своем под холщевым фартуком: — общежитье, хлеба 600 грамм дают, белье тельное и на постелю... Только не знаю, кем лучше: зоотехником, или агрономом?»

— Белье и тому, и другому полагается? — спросил я иронически.

— Тому и другому.

— В чем же дело — значит, безразлично...

Она согласилась.

Учителя здесь немногим грамотнее учеников. Как-то я повстречался с одной знакомой учительницей.

— «Этта. К. встренула — сказала она мне — привет передать наказывал».

Фактов, подобных этим, у меня накопилась уйма. Но почти во всех домах здесь городская обстановка и одеваются по-городскому. А если взять кил[о]м[етров] 200 в сторону от ж[елезной] дороги, то там вовсе *[далее слово вымарано, по-видимому, военным цензором — И. Ч.]* костюмы носят такие, какие в Л[енинград]е можно встретить только в этнографич[еском] музее. С другой стороны, я знаю несколько случаев по этим же деревням, когда молодежь кончала институты, подлинно, органически впитала в себя культуру, и далеко, далеко, на тысячу верст оставила позади себя своих родителей. И это отрадное явление. Деревня полна острых противоречивых процессов. А в целом — идет вперед. Ну, пока. Пишите, не выжидая моего извещения о новом адресе.

Всего наилучшего. Аркадий М.

[V]

27.9.42 г. [Почтовая карточка] Открытое письмо

*Куда, кому: Славгород, Алтайского края, ул. Урицкого, д. 89,
Т. В. Старостиной*

*Адрес отправителя: г. Тихвин, Ленингр[адской] обл[асти], п/я № 3, литер А.
А. Г. Маньков*

Сосновый бор, в бору — гора, в горе — дыра. Это новое жилье мое.

Здравствуй, Таня!

Живу в землянке. С низким сводчатым потолком, полутемная, она походила на монашескую келью или — больше — на камеру-одиночку. Сестра прибрала ее, навешала тряпочек и безделушек, что создало в миниатюре подобие уюта, к которому она меня насильственно приучает. А я отвык. Кругом — в городе, по дорогам, в могучем сосновом бору — следы недавнего тяжелого прошлого. Еще слышен запах гари, пожарища, порохового дыма. А как у Вас? Что нового?

Желаю всех благ. Аркадий.

Мой адрес: Тихвин, Ленингр[адской] обл[ас]ти, п/я № 3, литер А. Мне.

[VI]

[Без даты — И. Ч.] Почтовая карточка Carte Postale

*Куда, кому: Славгород, Алтайского края, ул. Урицкого, д. 89,
Т. В. Старостиной*

*Адрес отправителя: Полевая почта 463, часть № 323.
А. Г. Маньков*

Здравствуй, Таня.

Открыткой я уже сообщал Вам мое новое место нахождения [так в тексте — И. Ч.] и адрес. Сейчас пишу вторично, так как второй сильно изменился, тогда как первое остается прежним. Отныне и впредь мой новый адрес таков (см. н/обороте).

В Т[ихвине] наткнулся на жалкие остатки библиотеки (после немцев), но все же [далее слово зачеркнуто — И. Ч.] кое-что есть по истории. Имеется напр[имер], почти полный комплект «Русск[ой] старины». Ворую время, сижу и копаюсь. Чудное отдохновение! Вообще жизнь веду на две «семьи»: работа — моя жена, а история — любовница.

Обворовывая Чехова, можно сказать: когда надоедает одна, я иду к другой. Уже падает первый снежок. А у Вас как? Как работается? Что нового?

Желаю всех благ. Непременно пишите. Аркадий.

[VII]

30.10.42 г.

За Порховскую крепость спасибо. Вы, Таня, правы — врят [так в тексте — И. Ч.] ли что-нибудь от нее осталось. Недавно прочел в газете, что немцы разрушили Новгородский кремль и взорвали Софию. Невыразимо трудно объять это мыслью, как невозможно было бы верить утверждению, что потушили солнце. Стараешься гнать эту мысль от себя, спрятаться в скорлупку напускного неверия, но где-то в глубине тайные — страх, смятение, боль... Неужели? Не может быть!

Мое житье-бытье пока без перемен. Труджусь как положено по уставу, но не забываю (да и не могу забыть) почитать что-либо из истории и беллетристики. Окопался в Тихвинск[ой] библиотеке. Там имеется комплект «Русск[ой] Старины» почти за все годы. Просматриваю. Кое-что есть из монографий — Ключевский, например, Миллюков. Сейчас знакомлюсь с новинками этого года: брошюрой Бахрушина «И. Грозный» и романом Бородина «Дм. Донской». Если, Таня, у Вас есть возможность достать и будет время — прочтите, а затем поделимся впечатлениями.

Т. Копреева писала, что недавно у нее гостила Ваганова «проездом» в Алма-Ата. По словам Т. война коснулась ее чрезвычайно мало. Олег Ваганов тоже в Кировской области — где именно и чем занят не знаю. Собирался к Копреевой. Не пустили. Зина работает в горкоме ВЛКСМ Саратова. Ответственная за пропаганду. Пишет — работы по горло, но /об./ чувствуется, что горит на ней и увлечена. Одновременно готовится к го-сэкзамену.

Да, чуть не забыл. Накануне отъезда из Вологды встретился с Екатериной Ивановной (библиотекарь наш — помните?). Она работает в аптеке, живет одна и скучает. Вот и все.

А теперь о другом. В Ленинграде я часто встречал нищего-слепца. Он ходил по вагонам, опираясь на посох и пел:

«О, люди добрые, подайте,
Не дайте долю перенести,
За эту просьбу не ругайте,
Ведь я хочу и пить и есть».

Я тоже прошу Вас, Таня, не ругать меня за просьбу: мне предстоит зима в лесу и в поле, а валенок у меня нет и, кажется, не выдадут. Нет ли возможности приобрести их в ваших далеких краях — за деньги, хотя бы и большие? Сейчас разрешена отправка посылок в Кр[асную] Армию (до 1 января). Если есть возможность приобрести валенки, хотя бы ношенные или подшитые, и если это не будет связано для Вас с большими хлопотами и большой затратой времени, то исполнением этой просьбы Вы меня крайне обяжете. Сообщите мне об этом и я немедленно вышлю деньги. За ценой не стойте. Размер небольшой — я ношу 40ковой номер сапог.

Итак, извините еще раз. Я знаю, как Вы заняты и прошу лишь в расчете на то, что у Вас б[ыть] м[ожет] легко достать или *[далее слово зачеркнуто — И. Ч.]* б[ыть] м[ожет] сможете достать случайно.

Будьте здоровы и пишите побольше о своей работе и учениках. Интересно. Аркадий.

[VIII]
11.12.42 г.

Добрый день, Таня

Долгое Ваше молчание я расценил как знак того, что поставил Вас своей просьбой в крайне затруднительное положение. И пожалел. И уже собрался черкнуть Вам извинение, как вдруг получил Ваше письмо. За разведку и хлопоты благодарю, хотя не скрою — удивлен результатом. Никак не думал, что в ваших — извините — тупицах нужны тысячи на приобретение вещей, которые — казалось бы — должны расти у вас *[далее слово зачеркнуто автором — И. Ч.]* на деревьях.

Впрочем, Вы писали, что места у Вас безлесные. Зима давно уже навалилась на нас *[далее зачеркнуто со — И. Ч.]* снегами и — пока еще — сносными морозами. В отноше-

нии валенок пришлось принять срочные меры. И к счастью — удалось раздобыть. Старенькие. Я обсоюзил их. На зиму хватит. А о большем не думаю. Посему Вы совершенно напрасно обеспокоили Ительсон. А я — Вас.

Сейчас новое начальство. Новое credo. Наступил период горячих работ. В большинстве — по ночам.

Уйма снегу. Читать стал меньше. Боль/об./ше — тосковать. Все в меру надоело. Тоскую по своему настоящему делу. Тосковать можно при самой горячей работе, если она не твоя и тянет за душу. Завидую Вам. Вы все же на настоящем деле, хотя трудности и условия у Вас адские, но выдержка у Вас могучая, а хватка молодецкая. Все же за последнее время прочел две новинки: С. Бородин «Дм. Донской», Яна «Батый» (если попадут под руку — прочтите и черкните мнение, особенно любопытна первая, теперь хоть пиши житие Сергия Радонежского — обязательно поместят в «Истор[ическом] журнале»), Историю ... [*слово не читается* — И. Ч.], Пирлинга «Россия и Папский престол» — в «Русской старине» и еще кое-что по мелочам.

Не читать не могу. Смерти духовной боюсь пуще смерти физической. В лесу ведь. От корреспондентов серьезных новостей нет. Было два письма от Копреевой. Не понравились. Мало откровенные. Она неискренна, что-то скрывает. Упорно молчит о Л. Тискине. Пишет, что О. Ваганов последнее время в Москве. Писал ей оттуда о смерти Горюхиного еще в октябре 41 г. Чудовищно!

Мужайтесь, Таня. Трудитесь во славу. Авось да встретимся в тех же родных нам корридорах [*так в тексте* — И. Ч.]. Но тесно в них уже не будет. Пишите. Аркадий.

[IX]

4.2.1943 г.

Гадкий утенок я, ибо пишу к Вам с большим опозданием. Но выслушайте, Таня, а потом судите: у меня сейчас некоторый поворот в моем положении и в работе. Новое командование. Новый состав подчиненных — в большинстве казахи. Многие по-русски ни бе, ни ме, но народ славный, энергичный, работающий и дружный, одним словом наш в доску, не то что финны. Была полоса ночных работ. Приходилось сжимать кулаки, стискивать зубы и неистово обрушиваться на людей.

Все было. Была и маленькая командировочка. Одним словом, выскочил из колеи, а человек я такой, что *на ходу* ни читать, ни писать не умею.

Так время и набежало.

Ваши открытки меня очень порадовали — особенно в той части, где Вы сообщаете о составе ташкентского населения. Но почему в Вашем перечне нет И. И. Смирнова? Мне кажется, он должен быть там. Вообще узнайте от Ительсон. где он? У меня большое искушение написать Валку, вообще вести переписку с «ученым мужем», но, пожалуй, выжду его ответа Вам, о котором, смею думать, Вы сообщите мне вкратце — в плане общего настроения и содержания... В какой мере /об./ оно благожелательно и т. д. Кстати, Таня, в «Большевике» № 1 за [19]43 г. Валку чуть-чуть попало (см. рецензию на ст[атью] «25 лет Истор[ической] науки в СССР» сборника. Я не видал, но, судя по рецензии, физиономия наших ленинградских ученых в этом 25тилетии представлена весьма слабо).

Адрес Ваганова сообщить не могу, так как сам не имею, а Копреева вдруг замолкла. Прежние письма ее неприятно поразили меня своей неискренностью и неглубоким нигилизмом в отношении истории. Вообще с женщиной, между нами, что-то такое произошло и она на все махнула рукою. Тогда я написал ей высокопарное и «ругательное»

письмо в «стиле письма Белинского к Гоголю», а она возьми да и совсем замолкни. Обиделась, значит.

Я ей открыточку тогда написал с низким поклоном — мол, не сердчайте, сударыня, по глупости и неразумию оное совершил. Стоит ли из-за пустяков дружбу терять? Молчит. Ни звука.

Попробуйте, Таня, [далее слово зачеркнуто автором — И. Ч.] написать ей и разведать о Ваганове (г. Слободской, Кировской обл[аст]и, Советская, 2). Из Саратова имею письма только от Зины, но об университете она отзывается крайне нелестно и подробностей не дает. Сейчас она работает в горьком комсомола, ведает пропагандой, особенно среди молодежи. Работой заметно /об./ увлечена, но в еще большей мере начинает увлекаться пением. Собирается поступать в Московскую консерваторию, которая сейчас в Саратове.

Новый год встретили под знаком выпивона. О том, что будет водка, говорилось за месяц и все ждали ее с вожделением. Грянул час — напились. Вот и все. Я даже, извините, поцарапался — ни [так в тексте — И. Ч.] то с кем-то, ни [так в тексте — И. Ч.] то обо что-то. Теперь зажило. А на душе розы. Ленинград-то наш батюшка похищен из плена! И мне почему-то приятно, что день [далее слово зачеркнуто — И. Ч.] прорыва блокады — 18 января — совпал с годовщиной смерти [далее слово зачеркнуто — И. Ч.] отца моего.

Такая приятная скорбь.

Сейчас у меня затишье и потому снова берусь за книги. За это время домучил Милюкова «Очерки истории русск[ой] культуры». Читаю вновь Тарле «Наполеон». На очереди — кое-что Соловьева и материалы сессии А[кадемии] Н[аук] с итогами всех наук за 25 л[ет].

«Очерки» Милюкова интересны гл[авным] обр[азом] историографически. Кстати, Вы не в курсе, имеется третья часть «Очерков»? Я читал только две.

У нас красивые ночи — лунные, тихие, с легким морозом. На ровной хрустального блеска снежной глади /об./ холмов — легкие, пугливые темно-синие тени сосен. Тишина. И только отдаленная канонада нарушает покой.

Таких ночей в лесу я не видал в жизни. Они просто сказочны и не поддаются описанию. Впрочем, говоря словами поэта:

«Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски я стремлюсь подметить,
А то, что в этих красках светит
Любовь и радость бытия».

Ну, пока. Желаю всех благ. Пишите, Таня. Аркадий

[X]

[22.2.43 — датировано по штампу — И. Ч.] Письмо на бланке «Воинское»

Куда, кому: Алтайский край, г. Славгород, ул. Урицкого, д. 89.
Т. В. Старостиной

Адрес отправителя: «463» Полевая почта, часть «323».
А. Г. Маньков

Ваше письмо — плод ночного бдения и детской шалости, внезапно Вами овладевшей, получил. Благодарю. Удивлен: у Вас до сих пор такие лютые морозы? У нас их не было почти всю зиму и я готов славословить ее, петь ей гимны. Нынешняя зима почти сплошь наградила [*написано вместо зачеркнутого* одарила — И. Ч.] нас одними ласками, на какие только способна: теплой, сухой погодой, солнцем, лунными роскошными ночами и единственно, что достойно упрека — это обилие снега, с которым нам по долгу службы приходится воевать.

Как видите, я все еще воюю не «по-настоящему»! Моя «настоящая» война еще впереди и я убежден, что она состоится. Жизнь моя течет размеренно: служба, чтение, занятия в свободное время. На днях ставил доклад в нашем батальоне о Iой импер[ской] войне. Предстоит еще изложить ряд тем. Все это близко к моей деятельности: я ведь замполит (по-прежнему политрук). Сейчас бешено готовимся к 23му. Но, Таня, что бы я ни делал, где бы не был, меня не покидает смешное чувство: я должен как можно больше прочесть по истории, узнать, восполнить пробелы. С этим чувством я ложусь спать, встаю утром, ем, провожу беседы с бойцами. Всю войну меня не покидало убеждение, что я вернусь туда, откуда ушел так внезапно. А в свете нынешних событий [*далее слог чув зачеркнут автором — И. Ч.*] убеждение это крепнет в каждом дне. (См. н/об.) В каком направлении Вы собираетесь наметить тему диссертации и почему? Борьба за Волгу, за нашу исконную и навеки русскую реку, когда бы и с кем бы она не приходилась — тема преважнецкая! Особенно в свете сталинградского триумфа. Не собираюсь Вас агитировать, но скажу: семь раз отмерьте, а потом уже отрезайте, и боже сохрани: не впадайте при этом в плоский утилитаризм! Буду благодарен, если поделитесь своими наметками.

Таня, узнайте через Ительсон где И. И. Смирнов? Ответил ли Вам Валк? Будьте здоровой и стройной, как обычно. Вы молодец! Пишите. Аркадий

[XI]

[Без даты — И. Ч.]

С большим приветом, Таня!

Ваш эпизод с коровой, изложенный в письме с большой иронией, меня развеселил, хотя Вам, при воспоминании о нем, не раз еще, наверное, взгрустнется. Надеюсь, что все повреждения, причиненные [*далее слово вам зачеркнуто автором — И. Ч.*] этой рогатой шельмой, уже зажили. Впредь же при столкновениях с коровами держитесь обязательно тактики контрнаступления. Тогда корова от Вас побежит, а Вы на нее сядете, а не наоборот.

И сестре присоветуйте.

А я здесь чертовски скучаю по своему делу, по своим людям. По совести говоря, я уже утратил представление о границах терпения. Доколе ж? Рассудок, мышление спят непробудным сном. Работы сейчас уйма, мелкой, безинтересной, читаю прессу мало, а если и возьмусь за ученую книжку, то с первой же страницы чувствую, что черепушка стала не

та, да и обязательно в сон клонит. Посему при одной только мысли о новой Вашей работе слюньки текут от зависти. Безусловно соглашайтесь, дорогая Таня, не раздумывая.

Имел здесь встречу. Как-то бреду через мостик и попадаю в объятия Еремина. Помните его? Мой однокурсник, скромный, тихий, посредственный, казалось, во всех смыслах человек. А сейчас? Два ордена: Кр[асной] звезды и Отечеств[енной] войны I ст[епени]. Участник прорыва блокады Л[енинград]а. Имеет триста боевых вылетов (он летчик-штурман). Но самое главное в нем, если хотите, не это, а то, что ко всему этому он относится просто, скромно, без кичливости. Мы устроили с ним вторую встречу вечером, и он порассказал мне много интересного из своих походов и переживаний. В этот вечер за университет я пережил двойную гордость: за то, что он дал людей, способных совершать такие большие дела, и за то, что он вложил этим людям такую душу и острый, пылкий ум, способный просто, объективно и критически оценить свои и чужие дела.

Затем, имел письма от Уппит и Копреевой. Асино письмо — целый перечень знакомых имен, исполненный со старательностью, присущей, видимо, одним [*написано над строкой вместо зачеркнутого* всем — И. Ч.] археологам. Так как она пишет и Вам, я не буду повторяться, не рискуя разыгрывать роль эха, когда в нем отпала всякая необходимость.

Т. Копреева рассекретила Леню Т., указав, что он в Туле и что он «кто-то видный».

Я приятно взволнован Вашим известием, что И. И. мне якобы уже написал. Правда, я до сих пор еще ничего не имею, но жду с нетерпением. Сам же тоже — ни бум-бум. Все никак не могу разрешиться. Невежа, словом. Вот афоризм из Белинского о драме и истории мне безусловно нравится, хотя у меня есть опасение, что я не уяснил себе всей глубины его. На днях, перелистывая письма И. С. Тургенева, наткнулся на такой афоризм:

Размышлять только о прошлом,

Удовлетворять потребности настоящего,

И не думать о будущем.

Каково? Как раз для историков...

Сейчас мучаю себя Ф. Мерингом: «Очерки истории войн...». Главное — глубина мысли и культура языка. Ценная книга. Иногда почитываю Толстого — для очистки мозгов и совести.

А в целом — тарарабумбия...

Будьте здоровы и пишите. Аркадий

[XII]

[17.3.43 — датировано по штампу — И. Ч.] Письмо на почтовом бланке

Куда, кому: Славгород Алтайского края, ул. Урицкого, д. 89,
Старостиной Т. В.

Адрес отправителя: 745 пол. почта, часть 98,
А. Г. Маньков

Таня, я внезапно на новосельи — на излюбленном месте довоенных раскопок Аси Уппит (С. Л.). Любуюсь на развалины старинной крепости. Они живописны под ярким солнцем марта. Они радуют и глаз, и душу. И вместе с тем чувствуется близость вражьей стаи, — чувствуется во всем — в строе здешней жизни, в звуках, в световых эффектах и, наконец, в диких следах ее воздушного разбоя. И дело, и жизнь у меня другие. Теперь

я нач[альни]к одной спецчасти. Из землянки перебрался в большую комнату с горделивым трюмо, двумя кроватями и тремя стульями. Все это занимаю один. Неприятно, что комната большая. После землянки у меня боязнь пространства. А как Вам живется. Приветствую и жду вестей. Аркадий

[XIII]

[Без даты — И. Ч.] Письмо на почтовой карточке

Куда, кому: Алтайский край, Славгород, ул. Урицкого, д. 89,
Старостиной Т. В.

Адрес отправителя: Пол. почта 55776 Д,
А. Г. Маньков

Добрый день, Таня!

Спешу сообщить Вам новый адрес [далее полстроки текста — то, что было у автора взято в скобки — жирно вымарано, вероятно, военным цензором — И. Ч.] и выражаю надежду, что скоро получу от Вас письмо. Давненько не было! Я уже писал Вам с нового места моей сидячки. Верчусь, как клоун на арене. Хлопот полон рот. Читать почти перестал (мало времени) и это убивает. Тем более, когда в Ист[орическом] журн[але] № 3-4 за т.г. увидел статьи Кровякова и Пашуто. Каково! Пока тут коптишь небо, люди растут и семимильными шагами идут вперед. Прочтите и поделитесь мнением. По-моему, у Кровякова — оригинально, свежо, у Пашуто — более, чем так себе, [далее слова тем более зачеркнуты — И. Ч.] повторение пройденного. Но все же — каково! А? Не унывают, носа не вешают! Молодцы! Пишите. Аркадий

[XIV]

29.IV.43 г.

Приветствую Вас, Таня!

Каждое Ваше письмо — маленькое или большое — обязательно [далее слово неразборчиво, возможно, плод — И. Ч.] для меня: всегда что-нибудь новое. Вот и теперь. С удовольствием узнал о Шнитмане и Тройкине [последняя фамилия прочитана неуверенно — И. Ч.]. Увы! Лишен возможности платить Вам равной монетой. На новом месте живу, как замурованный в бочку. За полтора месяца сюда прибыло только одно письмо от Вас и одно от Копреевой. Даже моя наиболее частая поставщица писем — Зина и то забостовала [так в тексте — И. Ч.]. Впрочем, ей, видимо, сейчас не до того. Я уже писал, кажется, что она теперь вольноопределившаяся — бравый армеец. В артиллерии.

Все хочу написать И. И. Смирнову, и не могу собраться с духом. А надо. Как-то почти инстинктивно — страшно беречь старые раны. Буду ждать Ваших вестей об ответах на письма ему, Грекову и др.

Любуюсь на Волхов. Необычайно красив. Полноводный, [далее зачеркнуто светло — И. Ч.] то светло-серебристый, /об./ то свинцовый и багрово-синий; свинцовое небо на нем. И надвое разрезают эту массу расплавленного свинца — воду и небо — крупные песчаные [так в тексте — И. Ч.] берега.

А крепость — просто об'еденье. Буду ловить рыбу, кататься на лодке. Беда — досуга безобразно мало. Только поздним угасающим вечером принадлежишь себе. Тогда встает вопрос: чи идти на прогулку, чи почитать. Искуситель сильнее.

Читать стал безобразно мало. Да и книг здесь нет. Эвакуировали. Перечитываю старые. Удалось ли Вам прочесть новые дебюты Кровякова и Пашуто в Ист[орическом] ж[урнале] № 3-4 за с[ей] г[од]? Поделитесь мнением.

Сообщите, Таня, адрес Аси.

Хочу расширить переписку.

Пишите! Крепко жму руку. Аркадий

[XV]

10.VIII.43 г.

Таня, здравствуйте!

Я — здоров. И живой. И вообще мне ничего не угрожает, кроме одного: солидно поглупеть, отупеть, растерять и без того незначит[ельные] знания.

Уезжал. Приезжал. Опять уехал. И снова вернулся. И так — как белка в колесе. И мелко, и суетливо, и утомительно, и противно. Писать Вам долго не мог — было некогда да и нечего... Все то же.

Мне пишут, но в этих письмах больше восклицательных знаков, чем мыслей, больше ощущения тягостного, чем чувств вообще.

Такое письмо прочитываешь, как устрицу — пискает и [далее нет зачеркнуто автором — И. Ч.] вся недолга.

А я не охотник до устриц.

Но у самого получаются те же самые устрицы, поэтому часто ничего не пишешь, а предпочитаешь запустить в патефоне какую-нибудь «Катюшу» или там «Любушку» и, блаженно улыбаясь, постукивать в такт пятками. Вот рай земной!

Радует только, что в смысле общих перспектив теперь стало яснее и определеннее. Копреева пишет, что Ив. Ив-ч как-будто бы уже в Москве.

У меня без перемен. По предмету сижу в начальниках и тоскую. Гостила сестра. Сейчас она устроилась неподалеку в воинской части. Поздравляю Вас, Таня, с Вашими 99/6%. Крепко жму руку. Вы должны быть глубоко удовлетворены таким результатом. Осуществился ли Ваш переход на работу в райком партии? Срочно высылайте бюллетень состояния Вашего здоровья и все новости. Жду. Аркадий

[XVI]

27.IX.43 г.

Дорогая Таня, говоря объективно, Ваша жизнь изумительна: заготовка кизяка, возня с волами и тут же — лекции о «Брусиловском прорыве»! Право, это достойно талантливого пера и яркой кисти! Но изумительно и другое: изумительно Ваше упорство, с которым Вы несете столь нелегкий крест свой.

Я говорю это в похвальном смысле. Возьмите Копрееву: окопалась в Слободском, хандрит и философствует. Или Скворцова — сухие, но слезы... Вы единственная из всех наших общих знакомых, судьба которых мне известна теперь, — единственная работаете, не покладая рук и не стонете, хотя у Вас кровоточит не только душа, но и пальцы, в то время, как у всех прочих душа только. Но Вы правы: кизяк кизяком, картошка — картошкой, но если того и другого заготовлено достаточно для того, чтоб родные не терпели нужды в лютую зиму, пора [далее слово подумать зачеркнуто автором — И. Ч.] коснуться и главной струны, чтобы она заиграла. Вы послали запрос в И[нститут] И[сто-

рии] А[кадемии] Н[аук]. Несомненно, по поводу аспирантуры? В Саратов тоже. А в Ленинград? Я слышал, что в Ленинград сейчас из тыла отзывают преподавателей средней школы. [Далее строка текста зачеркнута цензором — И. Ч.] После этого трудно сидеть. Надо выходить на широкую дорогу. Москва или Саратов! Чувствую, это отныне девиз Ваш.

Лично у меня перемен никаких: все то же администрирование и служебное бумаго-марание. Сейчас, правда, живем напряженно: выполняем одно срочное задание. Пишут Уппит, Копреева, Скворцова и Базанова. ЛГУ производит большой набор в аспирантуру. Уппит и Скворцова помышляют о Москве — готовить диссертации. Копреева направляется в Тулу. Вот и весь сказ. Непременно пишите о том, что Вам ответили из Саратова и Москвы. Желаю всех благ. Аркадий.

P.S. За карточку благодарю. Да, Вы вполне выправились. К сожалению, лишен возможности выслать свою, за неимением.

При случае — непременно. Пишите. А.

[XVII]

[Без даты — И.Ч.]

Таня, дорогая!

Очень печально, что Вы занемогли. Дух у Вас крепкий. Нужно, чтобы и жилище его было крепким. А для этого постепенно и умело приучайте себя к природе, не бойтесь ее, ближе стойте к ней и не поддавайтесь излишним опасениям и страхам. В наших понятиях о том, что вредно и что полезно очень много ерунды, предвзятого. Солнце, воздух и вода — во всех видах хороши и полезны, только стоит приучить себя к ним.

И в театр сходите — сразу полегчает. Недавно был на концерте — пустяковом, конечно, но все же вроде солнышко в душу заглянуло. Разом согрело ее. У нас завели свое кино. Бывает часто. Правда, фильмы идут все старые. Новинки почти нет. Зато с восторгом в четвертый раз смотрел «Антон Иванович сердится». Считаю, что это лучший советский фильм: с удачным сюжетом, что нам особенно трудно дается, идейный, принципиальный, высокохудожественный и культурный фильм.

От Копреевой получил открытку с большим восклицат[ельным] знаком: почему не пишу долго! Томится в своем захолустьи. Прислала новый адрес Ивана Ивановича: Москва, ул. Карла Маркса, 11, Институт истории АН СССР. Вчера написал ему письмо. Впрочем, Копреева не вполне уверена в точности этого адреса и сама ждет ответа от И[вана] И[вановича]. Напишите и Вы туда же. Читаю «Падение Парижа» Эренбурга. Пишите. Поправляйтесь. Аркадий

[XVIII]

30.X.43 г.

Ваше письмо, дорогая Таня, пропитано на этот раз горькою слезою. Вообще чувствуется, что Вам следует выбираться из Ваших несчастий, выбираться невзирая [далее слово зачеркнуто — И. Ч.] на отношение к этому «местных».

И вообще — кто это такие «местные»? Учителя? Тогда почему Вы их «об'едаете»? Жители Вашего города, Ваши соседи и новые знакомые? Тогда в какой мере обязывает Вас к чему-либо их взгляд на вещи. Еще более непонятным и странным кажется мне то обстоятельство, что в МГУ нет помещения для аспирантов. Странно, что Вы для них не представляете «лакомого кусочка» — ведь Вы аспирантка 3-го курса. Недавно имел

письмо от Уппит. Пишет, что в ун[иверсите]т большой наплыв студентов и аспирантов. У последних даже конкурс. Сдавали паршиво. В ун[иверсите]т приехал Олег Ваганов и восстановлен в правах аспиранта 3-го курса. В проекте для аспирантов ЛГУ и МГУ стипендия рублей до 700. Вот и все саратовские новости.

Имею письмо от И. И. Смирнова. Делится своей работой и работой ташкентского филиала И[нститута] И[стории] за военный период. От письма в восторге. Оно бросило луч света в мою душу и согрело ее. Всколыхнуло старые, почти забытые чувства и мысли. [Далее слово зачеркнуто автором — И. Ч.] Рассеяло кое-какие мои опасения. Теперь, если он не изменит, буду в постоянной переписке с ним.

Пока мои перспективы таковы: зиму сижу на старом месте, на старой работе, которая [далее зачеркнуто мне — И. Ч.] давно стоит поперек горла. К весне вполне вероятен переход в Ленинград или в ближайший пригород его. Это радует, конечно.

Прилагаю фотокарточку. Не подумайте, что свечение на лбу — отражение натуры. Это фантазия незадачливого фотографа. Затем прилагаю чуток бумаги. Мне кажется, Вы сильно страдаете недостатком ее. Если возможно, то направлю Вам бумаги заказной бандеролью.

Мой совет: выбирайтесь на столбовую дорогу. Лишения, подобные тем, что Вы испытываете сейчас, везде найдутся [последнее слово читается неуверенно — И. Ч.].

Будьте здоровы. Пишите. Аркадий

[XIX]

25/XII 43

Дорогая Таня, Ваше письмо ужаснуло меня. Что такое? Что за крутой поворот в событиях? Как оказалось возможным это неожиданно-негаданное появление «дамы с косой в руках»? Вам было несладко, но со свойственными Вам упорством, энергией и иронией Вы как-то сравнительно легко преодолевали препятствия. Такое мнение сложилось у меня из Ваших прошлых писем. И вдруг этот крик. Отчаянный крик. Теперь мне ясно, что положение у Вас скверное.

Я только что из Л[енингра]да. В смысле родных и знакомых — это пустыня. Почти никого. В Университете нашего — только библиотека. Фонды сохранились, а люди — почти все погибли. Погибая, люди спасали фонды. Тяжелое впечатление производит фанера в окнах. Красавец с выколотыми глазами. Идут обстрелы. Но город живет хорошо организованной и слаженной жизнью. Магазины полны товаров. По центр[альным] магистралям ходят трамваи. Был в театре музкомедии, что ныне в Александринке. Смотрел «Стакан воды» в Горьковском.

Впечатление о городе в целом весьма двойственное, но уезжать не хотелось. Очень. Теперь по Вашему вопросу. Для в'езда в Ленобласть нужно разрешение облисполкома. Советую, Таня, запросить разрешение от исполнит[ельного] комитета Ленингр[адского] обл[астного] совета. [Далее слово на этой строке и два слова на следующей вымараны цензором — И. Ч.] Укажите на свою принадлежность к преподават[ельской] деятельности. Прямых возможностей достать Вам пропуск у меня нет. Но все же я сделаю попытку. Знаю, что кое-кому это удалось. Лучше всего было бы Вам дотянуть, если возможно, до весны — до того момента, когда Ун[иверсите]т переберется в Л[енингра]д. Я momentarily [далее слово зачеркнуто автором — И. Ч.] загляну туда и думаю, что смогу сделать вызов для Вас.

О всех своих попытках напишу отдельно. С приветом А. Маньков

[XX]

6 / VI. 44 г. Письмо на почтовой карточке

Куда, кому: Ленинград, 80, Звенигородская, д. 14, кв. 66,
Старостиной Т. В.

Адрес отправителя: Полевая почта «02553 К»,
Маньков А. Г.

Дорогая Таня

Пишу на Л[енингра]д, в надежде, что Вы уже давно там. В таком случае и я от Вас недалеко. Если [... слово неразборчиво — И. Ч.] смогу, видимо, навестить Вас.

Пишите на Пол[евую] почту № 02553 К, мне. Аркадий

[XXI]

5 / VII. 44 г. На бланке для писем «Воинское»

Куда, кому: Ленинград, 80, Звенигородская, д. 14, кв. 66,
Старостиной Т. В.

Адрес отправителя: Полевая почта «02553 К»,
Маньков А. Г.

Таня, здравствуйте!

Обмануть Ваше ожидание меня заставили дела. А в прошлый свой визит в у[ниверс-
сите]т миновал Вас потому, что Вы писали мне о своем недуге и я не решился докучать
больную.

На этой неделе буду в Л[енингра]де в пятницу. Буду в Ун[иверсите]те и загляну к Вам.
С приветом Аркадий

